

Мне 49 лет. Я плыву из Москвы в Елабугу. У меня за спиной... О, все мои беды, проблемы, сомнения просто ничтожны по сравнению с теми, что были за спиной у неё, 49-летней Марины Цветаевой, отплывающей из Москвы в Елабугу ровно 65 лет назад, 8 августа 1941 года.

Пароход назывался «Александр Пирогов». По словам очевидцев, он был замаскирован зелёными ветками, это было бы даже красиво, если б не знать, для чего сделано... Москву уже бомбили, и эта наивная маскировка была от предполагаемого налёта фашистских самолётов.

Марина Ивановна панически боялась бомбёжек, боялась за судьбу сына. А Мур, услышав слова матери о решении эвакуироваться, пишет в дневнике: «...Я не ожидал от матери такого маразма. Она говорит, чтобы я «не обольщался школой...». У неё — панические настроения: «лучше умереть с голоду, чем под развалинами». Она говорит, что будем работать в колхозе. Идиотство! Какого чёрта работать в колхозе — неужели она думает достать себе пропитание этим? ...Утром я ей совершенно ясно и определённо и точно сказал, что в Татарию не поеду. Она ответила, что меня не спросит...».

Такая обстановка была в семье накануне отъезда.

Её провожали Борис Пастернак и Виктор Боков. Когда они спросили, есть ли у неё с собой еда, она сказала: «Буфета разве на пароходе не будет?». Боков побежал купить пирожки...

8 августа 1941 года Георгий Эфрон записывает в дневнике: «Нахожусь на борту «Александра Пирогова», который плывёт по каналу Москва-Волга. После трагических дней — трагических, главным образом, из-за отсутствия конкретных решений и почти фантастических изменений этих решений, после кошмарной погрузки на борт мы, наконец, отчалили. ...Всего путешествие продлится 8 дней. Окончательное место назначения город Елабуга, на реке Каме. ...Довольно паршиво, но всё, что я мог сделать, чтобы противостоять этому отъезду, я сделал, включая угрозы, саботаж отъезда и вызов на помощь общих друзей...».

8 августа 2006 года. Мы тоже плывём по каналу Москва-Волга. Это гидротехническое сооружение просто поражает! Корабль заходит в узкий «пенал» шлюза, и вода начинает понижаться на 7–8 метров. Стоишь на палубе и потихоньку опускаешься вместе с теплоходом в этом коридоре, определяя по его мокрым стенам, насколько глубок шлюз. Затем противоположные ворота открываются — и плывём дальше.

МОСКВА · ЕЛАБУГА

ТРЕТЬИ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЦВЕТАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ЕЛАБУГА · 1

Канал решил проблему водоснабжения Москвы. Сейчас 60 процентов воды, которую потребляют москвичи и предприятия российской столицы — это волжская вода!

На 128-километровой трассе канала — 11 шлюзов, 40 плотин, 8 водохранилищ, 5 насосных станций, 8 гидроэлектростанций, всего 240 сооружений. Строился канал с 1932 по 1937 год и, конечно, кроме «технического» памятника — это горький памятник сталинской эпохи.

Любовалась ли Марина Ивановна помпезными воротами шлюзов? Или, глядя на эти берега, вспоминала дочь, мужа, сестру, которые были репрессированы?

Наш теплоход, повторяющий последний путь Марины Ивановны, называется «Герой Александр Головачёв». Сюда, на третьи Международные Цветаевские чтения, собрались те, для которых имя Цветаевой стало не просто любовью, а, наверное, судьбой. Почти сто человек из разных стран мира и регионов России.

Интересно, что почти каждый пассажир «Цветаевского теплохода» так или иначе географически представлял какой-то отрезок жизненного пути поэта.

Директор культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой» в Борисоглебском переулке Э. С. Красовская вместе со своими сотрудниками представляла Москву, где родилась и выросла Марина. Директор музея семьи Цветаевых в Тарусе Е. М. Климова — город детства сестёр.

Л. Б. Владимирова, кандидат медицинских наук, руководитель «Литературной гостиной» Одесского Дома учёных была, можно сказать, посланцем благословенного Волошинского Крыма, где познакомилась Марина со своим будущим мужем Сергеем Эфроном. Недолго были они вместе, недолго были счастливы и, может быть, одно из таких мест, кроме Коктебеля — город Александров Владимирской

области, где сёстры Марина и Ася жили с мужьями и детьми в 1916 году. Александрский музей сестёр Цветаевых представляла на конференции учёный секретарь Э. Б. Калашникова.

Война, революция, эмиграция... Свою книгу «Марина Цветаева в Чехии» привезла из Праги исследователь жизни и творчества поэта Г. Б. Ванечкова.

Из Германии приехала Лилия Цибарт, организатор Цветаевских костров в этой стране. Лилия родилась и жила в Актау Карагандинской области. Вместе с дочерью они сняли фильм «Сказочный Шварцвальд» по главам «Воспоминаний» А. И. Цветаевой.

В Париже живёт сейчас Ирина Ивановна Емельянова, преподаёт русский язык в Сорбонне. Она дочь Ольги Ивинской. Тем, кто знает и любит творчество Бориса Пастернака, не надо объяснять, что значила эта женщина в его судьбе... Ирина Ивановна долгие годы дружила с дочерью Марины Цветаевой — Ариадной Эфрон.

Из зарубежных гостей очаровала всех Сельма Анзира, переводчик произведений М. Цветаевой на испанский и мексиканский языки, она живёт в Испании, в Барселоне.

Любовь Мистрюкова, врач из Минска, везла в Елабугу землю с тех мест, где погиб в 1944 году сын Марины Цветаевой Георгий (об этом чуть позже).

Я представляла Казахстан, Павлодар — город, связанный с жизнью Анастасии Цветаевой. Я была счастлива познакомиться на конференции с теми, кто дружил с Анастасией Ивановной. Это Доброслава Анатольевна Донская — почётный профессор московского Института гуманитарного образования, член Российского дворянского собрания. Это Ирина Сергеевна Исаева, доктор сельскохозяйственных наук, помогавшая А. И. Цветаевой в работе над книгой «Неисчерпаемое». Это литературный секретарь А. И. Цветаевой, искусствовед Станислав Айдинян. Все они, конечно, знают о нашем городе, о том, что живёт здесь внук Анастасии Ивановны — Геннадий Васильевич Зеленин, с которым они не раз встречались в Москве «у бабушки Аси».

На конференции были люди, имена которых для любого цветаоведа — просто легенда. Кандидат физико-математических наук Лев Мнухин, писатель из Казани Рафаэль Мустафин, директор Болшевского музея Зоя Атрохина... Это и Даниил Санников, доктор физико-математических наук, сын замечательного русского поэта Григория Санникова. В Данииле Григорьевиче соединились для меня два дорогих имени. Его отец дружил с Павлом Васильевым, а мать (в девичестве Назарбеян) — с Мариной Цветаевой...

Наше путешествие было и горьким, и одновременно — бесконечно радостным, ибо не так уж часто собираются воедино столько единомышленников, понимающих друг друга с полуслова. Наверное, Марина была бы рада, узнав про этот «Цветаевский теплоход»...

Ах, как ёкнуло сердце, когда наш корабль отчалил от пристани, и между кормой и берегом появилась узкая полоска воды, потом она начала расширяться, расти... Почувствовала ли Марина в этот миг, что уплывает из своей любимой Москвы навсегда, навечно? Или всё же надеялась вернуться?..

* * *

Мы разместились в комфортабельных каютах, нас накормили прекрасным ужином... 65 лет назад, конечно, всё было по-другому. Георгий пишет в дневнике: «Мы плывём в 4-м классе — худшем. ...Мы спим сидя, темно, вонь, но не стоит заботиться

о комфорте — комфорт не русский продукт. ...В смысле жратвы — хлеб с сыром, пьём чай. Мне на вопрос жратвы наплевать. Но чем будет заниматься мать, что она будет делать и как зарабатывать на жизнь?».

Давно уже пытаюсь разгадать тайну её ухода, я вчитываюсь в скупые строки воспоминаний очевидцев, пытаюсь убедить себя, что она всеми силами цеплялась за жизнь, что не плыла в Елабугу на верную гибель. На пароходе она распродала свои вещи, мотки французской шерсти. «Собирала деньги на первое время житья в новых местах», — пишет в своих воспоминаниях Галина Алперс. Значит, хотела жить! А, может быть, собирала деньги, чтобы оставить их потом сыну?..

Первые часы путешествия все мы просто стояли на палубе, у перил, смотрели на отдаляющуюся Москву, на закатное солнце, на волну за кормой. Смотрели — и молчали... Мы шли дорогой Цветаевой.

Утром состоялось торжественное открытие чтений. Как заметил кто-то, наша встреча — конечно, праздник, но там, внутри, это берег уплывающий...

Как сказала на открытии Галина Данильева, замечательный поэт, цветаевед, старший научный сотрудник Московского Дома музея Марины Цветаевой: «Нам честь и участь быть окликнутыми...».

* * *

После обеда 9 августа мы подплывали к Угличу. Удивительной красоты храм — с красными стенами и синими куполами, стоит на берегу, это церковь «Димитрия на крови»...

Сойдя на берег, убеждаешься, что россияне наконец поняли выгоду расположения своих городов на туристических маршрутах. Туристический бизнес процветает. На пристани встретили нас весёлые мужички с гармошкой. Вдоль берега — нескончаемые ряды с сувенирами, одеждой, угличскими часами... Продавцы идут в ногу со временем, с иностранцами бойко торгуются по-английски.

И перед входом в Угличский кремль русские народные песни представляет ансамбль в народных костюмах, артисты добросовестно отработывают свой хлеб... Как тут не бросишь денежку в лешашку на земле кепку!

Но вот из века 21-го попадаешь в век 15-й. Сказочный Углич, один из древних городов России. Его основание относят к 937 году, когда посланец княгини Ольги выстроил крепость на высоком берегу Волги.

С Угличем связано одно из страшных и трагических событий русской истории, здесь был убит младший сын Ивана Грозного, семилетний Димитрий. Его зарезали средь бела дня, во время прогулки. Возмущённые горожане расправились с убийцами, а потом комиссия, приехавшая из Москвы, определила, что мальчик «погиб сам, играя с ножичком...». Горожан за «самоуправство» жестоко наказали, и даже колокол, возвещавший о беде, сослали в Сибирь, вырвав ему «язык»...

Сейчас на месте гибели мальчика стоит церковь. Разрешили нам в ней ударить в огромный колокол, возвращённый в Углич из ссылки лишь в 90-е годы ушедшего века. И колокол загудел, воскрешая картины истории...

О, этот угличский колокол, символ поэтов всех времён! Власти и режимы заставляли их молчать — «вырывали язык», ссылали в тьмутаракань... И всё же — пусть через века! — их горячее набатное слово услышат, их правду поймут.

Как мечтала Марина Ивановна, возвращаясь в 1939 году из Франции на родину, быть услышанной — найти своего читателя! Увы, стихов не печатали, книг не

издавали, пришлось зарабатывать на жизнь переводами. Режим обрекал на поэтическую немому...

9 августа 1941 года Георгий Эфрон пишет в дневнике (по-французски): «Плыви, плыви... И мы плывём. К какой судьбе? Самое глупое то, что вода обычно вкладывает в наши уста слова вроде «судьбы», «будущего» и т.д. Но, кстати, куда я плыву? Я даже, собственно, не знаю. Всё зависит от... всего. Что будет делать мать? Где она будет жить в связи со своей работой: в Елабуге или в Казани? Есть ли десятиклассная школа в Елабуге? Все эти вопросы теснятся в моей бедной голове...

... Главный вопрос — вопрос работы для матери, чтобы обеспечить «жильё и питание», да и плату за мою школу». (Заметим в скобках — у 16-летнего Мура не возникает и мысли о том, что можно поискать работу и для себя...).

И дальше в этой записи — аналитические и откровенные признания автора, позволяющие во многом понять его поведение, взаимоотношения с матерью и другими людьми: «Одним словом: я не люблю людей. 99% людей мне представляются чудовищными существами, это какие-то наросты, раны. Они мне противны. Я всегда в них, в их мнениях, в их манере выражаться распознаю какой-нибудь недостаток или тик, которые мне представляются уродливыми и доминирующими в личности их обладателей. Я жажду гармонии... Плыви, плыви... Пойду на палубу второго класса».

* * *

Утро 10 августа. Мы в Ярославле. У памятника Некрасову экскурсовод, конечно, прочёл хрестоматийное: «О Волга, колыбель моя! Любил ли кто тебя как я...».

Ярославль, основанный в 1010 году, входит в Золотое кольцо России. Смотреть его нужно не один день (а тем более не полдня, как мы)... Но, тем не менее, успели мы и прогуляться по набережной, и сфотографироваться в белоснежной беседке на высоком берегу Волги, и полюбоваться на ковёр из цветов на «стрелке» — традиционном месте отдыха горожан. Успели посмотреть храмы постройки 17 века: церковь Благовещения, церковь Спаса на городу, Фёдоровский кафедральный собор, церковь Михаила Архангела. Архитектура каждого храма — неповторима, схожесть лишь в одном — зелёные купола. В церкви Ильи Пророка (тоже 17 век), которая стоит на центральной площади города, мы побывали внутри, восхитились её убранством, уникальной росписью на стенах. На одной из них изображён конец света: ангелы сворачивают небо. Подумалось о Марине. Наверное, её состояние было близким к этой картине. На земле правил Сатана. Ангелы сворачивали небо...

10 августа 1941 года «Александр Пирогов» сделал остановку. Мур описывает в дневнике, как пассажиры парохода бросились к колхозникам, которые, «пользуясь войной, продают овощи по невысказанным ценам». Отношения с матерью всё ухудшаются: «Мать, забыв о своём упорном желании уезжать, теперь уже говорит о возвращении в Москву. Она говорит, как я говорил в Москве, что люди, едущие в Елабугу, богаты и смогут устроиться и хорошо жить. ... Словом, все как-то устроятся, кроме нас. По правде говоря, перспективы у нас плохи. Я же отказываюсь говорить с матерью о будущем. Я ведь действительно всё это предвидел: и перемену её настроения, и то, что она не на своём месте ни на этом пароходе, ни в Елабуге, я всё предвидел; и я всё сделал, чтобы не уезжать... Она же всё сделала, чтобы уехать, и ей это удалось. Если это ей не нравится, так ей и надо».

Организаторы третьих Международных Цветаевских чтений, которые назывались «Творчество М. И. Цветаевой в контексте европейской и русской литературной традиции» — Елабужский государственный музей-заповедник и Елабужский Государственный педагогический университет, мэр города Елабуги Ильшат Гафуров сделали всё для того, чтобы поездка стала незабываемой. Восемь дней на теплоходе были насыщены до предела. Работа научной конференции сменялась остановками и экскурсиями, каждый вечер была культурная программа. С нами ехали прекрасные московские актёры: Елена Муратова, доцент института современного искусства, мастер художественного слова, актриса театра киноактёра, и Евгений Радомыслинский, профессор школы-студии МХАТ, которые показали два спектакля: «Поэт Марина Цветаева» и «Цветаева и Пастернак». Во время спектаклей мгновениями казалось, что это сами Борис и Марина перед нами, их жизнь, их любовь...

Незабываемый вечер романса подарили Жанна Кондратенко и Анатолий Лиховицкий, солисты вокальной студии «Орфей» из города Королёва.

В один из вечеров Станислав Айдинян показывал фильм «Сердце поёт» с участием своего отца Артура Айдиняна, очень известного в 50-е годы певца, рассказал о нём много интересного.

Были презентация новой книги Натальи Громовой «Дальний Чистополь на Каме...» и вечер памяти Лидии Либединской.

Был поэтический вечер поэта, председателя русской секции Союза писателей Татарстана Лилии Газизовой и поэта из Москвы Алексея Смирнова.

Дочь известного советского поэта Владимира Луговского Людмила Владимировна Голубкина представила фильм об отце «Жить, жить — любить» (реж. Али Хамраев). Луговской, кстати, в годы войны был в Алма-Ате, участвовал в работе над фильмом Эйзенштейна «Иван Грозный». «Песнь опричников» в фильме — на его стихи.

Словом, теперь остаётся только удивляться — как мы успели так много за восемь дней? Кажется, что эти спектакли, экскурсии, презентации, заседания длились уж никак не меньше месяца...

А ведь ещё были неформальные встречи, знакомства, беседы...

11 августа. Наш «Александр Головачёв» подплывает к Нижнему Новгороду. Все высыпали на палубу, фотографируются — очень уж красива панорама высокого волжского берега со стенами Новгородского кремля. На набережной стоит огромный памятник Валерию Чкалову. Установлен он был через два года после его гибели, в 1940 году. Значит, пассажиры парохода «Пирогов» тоже видели этот памятник...

«Петербург — голова, Москва — сердце, а Нижний Новгород — карман России», — так говорили о знаменитых нижегородских ярмарках. В начале 20 века с 15 июля по 15 августа в этот город ежегодно съезжались до 200 тысяч человек! То, чем торговали на ярмарках, смогли мы увидеть в музее истории города. Кстати, самой выгодной была торговля солью, так что солепромышленники из казахских степей были вполне вознаграждены за дальний путь...

Как рассказала экскурсовод, пять столетий назад на слиянии Волги и Оки был заложен каменный кремль. Более 20 раз его осаждали враги, но ни разу не смогли взять! Длина стен (вместе с башнями) нижегородского кремля больше двух километров,

высота стен с зубцами — 12 метров, башен — от 18 до 22 метров, а толщина стен на уровне земли — 5 метров! Настоящая средневековая неприступная крепость!

Сейчас сохранилось 12 башен из 13-и. Мы побывали в Димитриевской башне. «Посмотрите под ноги, — сказала наш очаровательный гид. — Обратите внимание на кирпичи!» Кирпичи под ногами были побольше современных, а приглядевшись, можно увидеть в них круговые полоски, так как замешивались они вручную. Между кирпичами — светлый «цемент», сделанный исключительно на яйцах. Вот и лежат эти кирпичики уже 500 лет, не белеют, не рассыпаются, как современные... И ещё тысячу лет простоят!

На рейде в Горьком «Александр Пирогов» стоял два дня. Должно было подойти другое судно, которое повезёт эвакуированных дальше. «На борту делать ни черта, решительно, — пишет Мур в дневнике. — Теперь-то мать начинает осознавать отрицательные последствия своего безумия, заключающегося в том, что мы уехали почти без предварительной подготовки... Я с огромным трудом достал хлеба в Горьком — эвакуированные должны иметь соответствующую бумагу. Все те, кто едут с нами, её имеют. Самая большая разница между нами и остальными членами эшелона Литфонда в том, что у них с собой много денег, у нас же очень мало. Мы вынуждены есть одну порцию супа на двоих».

Несмотря на трудности, сын Цветаевой всё же отмечает окружающую их красоту: «Погода прекрасная, Волга сверкает... Волга очень красивая река, действительно красивая...». Марина Ивановна, видимо, этих красот уже не замечала... С нервотрёпкой и неразберихой они пересели на пароход «Чувашия».

* * *

Вместе со своими новыми друзьями Соколовским и Сикорским 15 августа Георгий гулял по Чебоксарам (где была в это время мать, он не пишет). Город ему очень понравился: «Городок чистенький, с заводами и красивыми видами на Волгу, город-облазец, который оставил очень хорошее впечатление... Даже есть кафе, кино, театр...».

И нам, через 65 лет, столица Чувашии понравилась чрезвычайно — город поразил чистотой, уютом, низкими ценами и... своей картинной галереей. Здесь мы увидели полотно Левитана, Коровина, Репина, Сурикова, Шишкина, Айвазовского и многих-многих других корифеев русской живописи. В одном из залов, где представлены картины русских передвижников, меня ждала неожиданная встреча. На стене в широкой золочёной раме висела картина «Горный пейзаж. Дорога в Крым» Виктора Павловича Батурина (1863–1938), долгие годы жившего в Павлодаре, учителя Павла Васильева! Это была словно встреча с близким человеком! Как оказалась картина Батурина в далёкой Чувашии? Видимо, вместе с другими полотнами её передали из Москвы в период организации Чебоксарского музея.

Ещё один «привет из Казахстана» я получила в геологическом музее Чебоксар. Музей действительно уникален, в нём более 3200 экспонатов — камни, минералы из всех уголков мира. А основой послужила коллекция, которую более 20 лет собирал, а семь лет назад подарил городу геолог, лауреат Госпремии Нуриян Аюпович Андрбаев. Удивительные по красоте камни, немало их геолог привёз из Казахстана — Джекказгана, Жайрена, Джамбула, Карагайлинского месторождения. Это малахит, самородная медь, хризопразы и много других.

И главный экспонат музея — огромная друза аметиста — тоже привезена из Казахстана! Камень лежит на отдельном столе, к нему подводят посетителей, предлагают приложить к его поверхности ладонь и почувствовать, как он отдаёт тепло

и «заряжает энергией». Я, конечно, тоже «подзарядилась» казахстанским солнышком, тем более что почти всю дорогу наш корабль сопровождали дожди...

Ещё мне понравился в Чебоксарах сказанный экскурсоводом афоризм, принадлежащий одному из известных чувашских купцов 19 века Прокопию Ефремову: «Не дремли, не плошай, не обижай!».

* * *

Георгий Эфрон, при его требовательности и нетерпимости к людям, высоко отзывался о Дмитрие Сикорском, с которым подружился на теплоходе: «Сикорский очень приличный парень, очень современный, умный, сильный, он умеет говорить, и он остроумный...». А Марина Ивановна сблизилась с матерью Димы — Татьяной Сергеевной Сикорской, замечательной переводчицей, которая вместе с мужем — С. Болотиным сделала достоянием русских слушателей многие песенные шедевры зарубежной классики. Т. С. Сикорская писала дочери М. Цветаевой Ариадне Эфрон в 1948 году (письмо отправлено в Рязань, где жила после отбытия срока в лагерях Ариадна Сергеевна): «...В течение 10 дней пути мы очень сблизились с Мариной Ивановной, читали друг другу стихи, грустили о Москве. Она иногда подходила к борту нашего маленького пароходика и говорила: «Вот так — один шаг, и всё кончено». Мне было даже трудно утешать её тогда — мы все были в очень тяжёлом настроении...».

Большие надежды возлагались на Казань. У Марины Ивановны была бумага от директора Гослитиздата на имя директора Татарского издательства о том, что Цветаева — «переводчица высокой квалификации». Был шанс устроиться на работу. Мур пишет в дневнике ещё 11 августа: «Я твёрдо буду добиваться перевода в Казань. Единственное, что я знаю, это что Казань город с университетом, столица автономной республики. Как бы она ни была убога, Казань всё же большой город, в каком-то смысле культурный центр. Во всяком случае, там мы сможем найти больше занятий, чем в Елабуге...». Но 16 августа, когда пароход стоит на рейде в Казани, Мур благоразумно размышляет: «Сегодня утром мать хотела высадиться в Казани на свой риск и страх, со всем багажом, всё оставить при речном вокзале и попробовать тут же устроиться в Казани, не доезжая до Елабуги. Но я разгромил этот план как слишком рискованный — вдруг ничего не получится?». Они решают ехать до конца — в Елабугу, там оценить обстановку, а потом уж при необходимости вернуться в Казань...

* * *

Наш Цветаевский теплоход подплывает к Казани, издали виден белоснежный кремль... В этом городе находится музей одного из моих любимых поэтов — Евгения Боратынского, очень хочется в него попасть!

«Вдоль да по речке, вдоль да по Казанке...». На этой самой Казанке, в конце 10-го — начале 11-го века возникло поселение под названием Керман. Это был северный форпост могущественного тогда государства — Волжской Булгарии.

В 2005 году Казань широко отпраздновала своё 1000-летие. Прекрасный современный город, в котором, словно драгоценные камни в золотой оправе, сохранены исторические памятники — такова сегодня столица Татарстана. По историко-культурной ценности и сохранности культурного наследия Казань относится к классу «А» (как Москва и Санкт-Петербург). Кстати, в современных постройках увидела я много

похожего на нашу новую столицу. Цирк, как и в Астане, в форме летающей тарелки. В стеклянной «пирамиде» (правда, поменьше казахстанской) разместился культурно-развлекательный комплекс. Метро в Казани — пока самое короткое в мире.

Но, конечно, туристы больше привлекает старина — кремль, древние постройки.

На территории Казанского кремля к 1000-летию города была построена красивая-мечеть Кул Шариф. По архитектурному замыслу она напомнила мне павлодарскую, но, конечно, более грандиозна.

Рядом с мусульманскими святынями здесь и святыни христианские. В июле 2005 года в Казани Патриарх Алексей II передал верующим Чудотворную Казанскую икону Божией матери. Удивительное путешествие иконы по миру заслуживает отдельного рассказа — Англия, Америка, Португалия, Ватикан... В августе 2004 года папа Иоанн Павел II передал икону в дар русской Православной церкви. Мы поклонились этой святыне в Крестовоздвиженском соборе Казани. Большая очередь верующих стоит перед иконой с ликом Божией матери и Младенцем на руках, богатая риза иконы — великолепной ювелирной работы, украшена более чем тысячей драгоценных камней...

Я поставила свечку за упокой рабы Божией Марины.

Анастасия Ивановна написала после смерти сестры: «Марину убило неверие в Бога...».

Православию в жизни сестёр Цветаевых был посвящён интереснейший доклад, сделанный на конференции Доброславой Анатольевной Донской: «Господь и Бог, я жажду чуда...».

К сожалению, в музей Боратынского я не попала — слишком краткой и насыщенной была наша экскурсия по Казани. Что ж, есть повод приехать сюда ещё раз...

* * *

К вечеру подплываем к Болгару. В 140 километрах от Казани на высоком берегу Волги лежат руины этого древнего города. Вечер просто сказочный: тишина, зеркальная гладь Волги, воздух, настоящий на разнотравье, которым не дышишь, а просто пьёшь его и не можешь напиться...

Великий Болгар, возникший в IX–X веках, был экономическим, политическим и культурным центром Волжской Булгарии. Здесь находилась ставка хана, чеканились монеты, бурно развивались ремёсла... В пригород Болгара под названием Ага-Базар приезжали купцы из Средней Азии, Ирана, Византии, Китая.

Сейчас на месте древнего города — исторический памятник Болгарское городище и небольшая деревня Болгары, жители которой нет-нет, да отроют у себя на огороде какую-нибудь историческую ценность. (Экскурсовод по секрету сообщила, что этой весной, копая огород, сосед обнаружил золотой браслет...). Разумеется, на территории городища ведутся официальные археологические раскопки, ведь каждый метр земли хранит здесь следы материальной культуры прошлого. А с «чёрными археологами» ведётся беспощадная борьба...

Мечети, мавзолеи, ханская усыпальница, Чёрная и Белая палаты, ханская баня. Особенно нам понравился последний объект — остатки бани, говорящий о том, как жили тут люди много веков назад. Это было каменное здание с отопительными каналами, керамическими трубами, печью из песчаника. Пол подогревался, и моющиеся ходили в деревянных сандалиях. Для забора воды с торца здания был устроен водоём. Бани были местом общения, своеобразным клубом.

В мавзолеях поражает мастерство древних строителей — полусферические купола созданы, словно из кружев, из маленьких туфовых кирпичиков. Для улучшения

акустики в углах Восточного мавзолея поставлены керамические трубы — голосники, а в Северном мавзоле резонаторы устроены в форме объёмных сосудов. В этом мавзоле — выставка эпиграфических памятников — надгробных плит. Со всей территории городища собраны эпитафии. Все они начинаются словами о Всевышнем: «Он живой, Который не умирает, а всё живущее умрёт...».

Когда мы поднялись по 150-и ступеням на самый верх большого болгарского минарета и любовались, как солнце, плавясь и сверкая, садится в волжскую воду, у меня зазвонил сотовый телефон. Все вздрогнули — так нелепо было это чудо цивилизации среди древнего покоя, умиротворения и тиши ны. Звонили мои домашние (где Казахстан, а где Болгар!). И сразу, несмотря на волжские красоты, захотелось домой, на Иртыш...

И всё же, скучать по дому было некогда. Дни и вечера были заполнены до предела... Одно из самых ярких впечатлений — авторский вечер Виктора Леонидова. Если кто-то смотрел фильмы Никиты Михалкова «Русский выбор» и «Русские без России», наверняка вспомнят песни, звучащие в конце каждой серии. Так вот, их автор-исполнитель тоже путешествовал с нами. Виктор Владимирович не просто бард. Он кандидат исторических наук, сотрудник Российского Фонда культуры, автор шести книг и более 500 статей по культуре русского зарубежья. В. Леонидов представил свой новый диск «... стране, оставшейся в названиях...». А его песня «Елабуга» звучала и на теплоходе, и в Чистополе, и на закрытии Цветаевских чтений в Елабужском университете:

*Над берегами раскинулась радуга,
Дождь наконец-то не льёт...
Сердце заволжское, здравствуй, Елабуга,
Город последний её...*

* * *

К пристани Чистополя причалили рано утром, а вечером предыдущего дня, уже в сумерках, проплывали Берсут. На высоком, заросшем лесом берегу виднелись какие-то строения, кусочек пляжа. Здесь, в Берсуге, был интернат для эвакуированных детей. В июле 1941 года из Подмосковья на Каму были отправлены пионерлагерь и детсад Литфонда. Многих родителей даже не успели предупредить. Да и сами дети, особенно детсадовцы, не поняли, что происходит. Известный актёр Алексей Баталов, который в детстве тоже попал в Берсут, вспоминал: они думали, что их просто перевезли в другой пионерский лагерь...

На борту нашего теплохода находился человек, для которого Берсут и Чистополь были не только названиями, а частью жизни. Даниил Григорьевич Санников рассказывает:

— Борис Алперс, профессор ГИТИСа, писал о моей маме Елене Санниковой (Назабекян): «Она покончила с собой через два месяца после того, как покончила с собой таким же образом Марина Цветаева в соседней Елабуге. Они заранее договорились об этом при своих встречах в чистопольской эвакуации». Конечно, «заранее договорились» — это его домысел, хотя на тему смерти разговоры несомненно велись... О том, что они встречались в Чистополе, когда Цветаева приезжала туда на три дня, есть несколько свидетельств. Прежде всего, это свидетельство Галины Георгиевны Алперс, жены Бориса Алперса. В 1985 году она написала воспоминания о том, как она ехала вместе со Цветаевой на пароходе, как она должна была сойти

в Елабуге. Алперс пишет: «К концу пути я твёрдо решила, что в Чистополе я сойду на берег и, вопреки всем запретам, там и останусь... Я самовольно выгрузилась со всеми вещами на берег и заявила, что дальше не поеду, здесь у меня сестра, так я назвала близкую мне Санникову, жену поэта Санникова...». Марина Цветаева и Мур поплыли дальше, в Елабугу.

— Перед поездкой на эту конференцию, — продолжает Д. Г. Санников, — я позволил своему брату Никите, который на три года старше меня, и спросил, помнит ли он Цветаеву в Чистополе. Он сказал, что как-то был на рынке вместе с мамой, куда-то отошёл, а когда вернулся, мама стояла с какой-то женщиной. Мама представила её: «Это Марина Ивановна Цветаева». Никита сказал, что это имя ему в то время ничего не говорило... Дело в том, что он не был в Голицыно, где мои родители зимой 1940-го года познакомились с Мариной Цветаевой. Там был я. Помню, как мама, отец и какая-то женщина гуляли по расчищенным аллеям, я с ними, но никакого внимания на эту женщину я, конечно, не обратил, и сказать, что я видел Цветаеву — это будет преувеличением. Хотя формально я её видел...

Галина Алперс вспоминает о встрече на улице в Чистополе: «Нас было четверо: Субботина, Сельвинская, Санникова и я... К нам незаметно подошла Цветаева. «Я здесь два дня, в Елабуге — невозможно, там я совсем одна, хочу в Чистополь, здесь друзья; приехала говорить с Асеевым, он отказывается помочь. Что делать?! Дальше — некуда!!!». С каким отчаянием сказала она последние слова.

«Приезжайте сами, не спрашивайте ни у кого! Я так и поступила. И работу найдёте, мы открываем столовую и все там будем работать», — сказала я, правда, не совсем уверенная, что у неё те же права.

«Как было бы хорошо! — воскликнула она с надеждой. — Я буду мыть посуду», — и она молитвенно сложила свои худые, натруженные руки.

«Ну что вы, Марина Ивановна, вы будете буфетчицей», — возразила ей Сельвинская.

«Нет, нет, с этим я не справлюсь, я хочу быть судомойкой, я хорошо мою посуду».

Разговор шёл совершенно искренне и серьёзно». (Г. Алперс. «Чистопольские воспоминания о Марине Цветаевой», журнал «Русская мысль», ноябрь 2000 г., публикация Д. Санникова)...

Мур пишет в дневнике 18 августа: «Жёны писателей сказали, что они всё сделают, чтобы устроить матери возможность жить в Чистополе...».

И ещё одна цитата из воспоминаний Г. Алперс: «... Мы ещё постояли, поговорили о своих трудных делах, и кто-то полушутя вспомнил местное чистопольское выражение: «Хоть головою в Каму». Выражение это чаще всего применялось по совсем пустяковым поводам.

«Да, да, верно: хоть головою в Каму!» — горячо воскликнула Цветаева, её так же горячо поддержала Санникова, и они, взявшись за руки, отделились от нас и ушли в боковую улицу. На другой день Цветаева, ничего не добившись от Асеева и Тренёва, уехала в Елабугу, где её ждал сын.

Через три дня после этого памятного вечера пришло известие, что Цветаева повесилась в Елабуге, а ещё через несколько дней покончила с собой Санникова...».

— На самом деле, — комментирует Даниил Григорьевич, — мама ушла из жизни 25 октября 1941 года. По свидетельству той же Г. Алперс, она очень боялась предстоящей зимы, говорила о том, что детям будет без неё лучше, о них позаботятся... Так же Марина Ивановна говорила о сыне...

В Чистополе Даниил Григорьевич поехал на кладбище. Нас в первой половине дня повезли знакомиться с городом. Вторая половина была «цветаевской».

«Чистополь мне очень нравится. Милый захолустный городок на Каме...» — писал Борис Пастернак в письме к старшему сыну. Поэт жил в этом городе с 18 октября 1941 года до 25 июня 1943 года. Дом-музей Б. Пастернака теперь одна из достопримечательностей небольшого камского города. В двухэтажном кирпичном доме по ул. Володарского, 75 — всё, как было при поэте — деревянная лестница, ведущая на второй этаж, кухня, маленькая комната, в которой посредине стен своеобразной каймой-бордюром идёт повторяющийся рисунок: две смотрящие друг на друга птички. Раньше, рассматривая чистопольские фотографии Пастернака, я никак не могла понять, что за странный рисунок у него за спиной, вроде сидящих на проводах ласточек. Может быть, монтаж? Всё объяснилось просто: оказывается, в доме какое-то время был детский сад, и орнамент из птиц достался жильцам «по наследству».

...Из кухни вид:

Оконце узкое

За занавескою в оборках

И ходики,

И утро русское

На русских голубых задворках.

Напротив дома до сих пор растут старые липы, которые видел Пастернак, сохранилась и старая аллея посередине улицы...

Поэт в Чистополе перевёл «Ромео и Джульетту» В. Шекспира, сборник польского поэта Ю. Словацкого, писал свои стихотворения. Перевод «Ромео и Джульетты» Борис Леонидович читал в зале Дома учителя в феврале 1942 года.

В Чистополе в годы войны жила целая колония поэтов и писателей, среди них А. Тарковский, А. Фадеев, А. Арбузов, Вс. Багрицкий, Л. Леонов, К. Тренёв, К. Федин, Н. Асеев и многие другие. В большой комнате музея Б. Пастернака развёрнута экспозиция «Чистопольские страницы», где представлены рукописи, письма, фотографии, книги не только самого поэта, но и его окружения.

Борис Леонидович писал из Чистополя письма нашему земляку Вс. Иванову: «Дорогие Тамара Владимировна и Всеволод! — пишет Б. Пастернак 12 марта 1942 года. — Каждый раз, как тут являлось что-нибудь новое, мне всегда хотелось записать это для вас...».

...Много интересных экспонатов в Чистопольском музее уездного города, к примеру, велосипед, сделанный местным умельцем только из деревянных деталей!

В музее — богатейшая коллекция живописи, включающая работы западноевропейских и русских мастеров конца 19 — начала 20 века.

Над высоким берегом Камы парит белоснежный Николаевский собор с 47-метровой колокольней. Он был построен в 40-х годах 19-го века. Николай Чудотворец — покровитель всех, находящихся в пути, значит, и нас тоже!

Очень красивая узорная мечеть зелёного цвета украшает старую часть города. Ей уже 110 лет. Словом, как и в Казахстане, в Татарии мирно соседствуют храмы и мечети, в дружбе живут мусульмане и православные. К началу 19 века в городе и уезде насчитывалось 90 церквей и 144 мечети!

Туристов всегда завозят в фирменный магазин часового завода «Восток». Известные чистопольские часы тут можно купить по себестоимости. Кроме часового завода работают судоремонтный, мебельная фабрика, крупные строительные организации.

В этом году городу исполнилось 225 лет. Первопоселенцами были здесь беглые крестьяне. В середине 18 века их выслали, а новые поселенцы, увидев пустующие пашни, так и назвали это место — Чистое поле.

* * *

Если бы, если бы... Если бы Пастернак приехал в Чистополь не в октябре, а в августе... Изменилась бы судьба Цветаевой? Может быть, и нет. Нас водили её дорогами — к дому Асеева, к интернату, к зданию горсовета, где Марина Ивановна в коридоре ждала решения своей судьбы: пропишут — не пропишут в Чистополе.

Мур писал в дневнике: «Меня в Чистополе привлекает то, что это всё же второй город Татарии, после Казани, что там 5 школ, есть культурная молодёжь, сыновья писателей (а также их дочери) — словом, общество, которое, может быть, не такое уж и плохое, во всяком случае, лучше, чем в Елабуге...».

*День тот представить
Ни сил нет, ни вымысла,
Трудно, как в льдах кораблю.
Как написала — простите, не вынесла,
И затянула петлю...*

Может быть, под впечатлением песни Виктора Леонидова «Елабуга» написала я эти строчки:

*То не лёд опасный, ладожский,
Зашатался, заскрипел...
Это берег твой елабужский
Принимать нас не хотел.
Он окутался туманами,
Словно заячьей дохой.
Да с рябиновыми ранами,
Да с Мариной строкой...*

Стихи родились на палубе теплохода, когда мы стояли на Каме, рядом с Елабугой в сплошном тумане. Высокий берег чуть проглядывал сквозь него, клочья тумана стлались по воде, постепенно таяли под лучами солнца. Елабуга пряталась, не хотела пускаться... А, может быть, останавливала, придерживала, чтобы мы сошли на этот берег не в спешке, чтобы ещё раз представили, каково было ей, Марине, 65 лет назад... Полная неизвестность. Ни угла, ни средств к существованию... Сын, ставший чужим, постоянно упрекающий за то, что завезла его в такую дыру...

«... Говорят, мы прибудем в Елабугу сегодня ночью, — пишет Мур. — Нас будет 13 человек (дурная или хорошая цифра?)».

Нехорошей оказалась цифра... Если говорить о мистике, то — со мной согласятся все, кто занимался творчеством Марины Цветаевой или просто любит её стихи — с её именем всегда связаны какие-то неожиданные встречи, мистические совпадения или даже чудеса! Ну, к примеру, чем не мистическое совпадение. Наш теплоход назывался «Александр Головачёв», в честь прославленного героя Великой Отечественной войны. Фамилия московского скульптора, автора памятника Марине Цветаевой в Елабуге — Александр Головачёв! (В соавторстве с В. Демченко). Никогда в своей жизни, в своих многочисленных поездках

не встречала я земляков своей мамы, она родилась в небольшом городке Яранске Кировской области. Познакомившись с Даниилом Григорьевичем Санниковым на Цветаевском теплоходе, я узнаю, что его отец, поэт Григорий Санников, родом из Яранска!

Участницей Цветаевских чтений была удивительная женщина Людмила Борисовна Владимирова, приехавшая из Одессы. Она плыла не только последним путём Марины Цветаевой, но и путём своей мамы, которая эвакуировалась из Ленинграда в Татарстан в августе 1941 года. Маму звали Татьяна Андреевна, она была беременна. Людмила Борисовна родилась 2 сентября 1941 года (в день, когда хоронили М. Цветаеву). Можно представить её волнение, когда, войдя в каюту теплохода, она стала знакомиться с соседкой. Та протянула руку: «Татьяна Андреевна!». Потом Людмиле Борисовне пришлось объяснять, почему слёзы появились у неё на глазах при этом имени...

Елабуга встретила нас ласково и приветливо, как самых дорогих гостей, артисты в национальных костюмах пели русские и татарские песни... Участников третьих Елабужских Международных чтений подвезли к мемориальной площади. Этот уникальный комплекс был открыт благодаря инициативе мэра Елабуги И. Гафурова и Президента Татарстана М. Шаймиева 31 августа 2002 года, во время первых Цветаевских чтений. Площадь Марины Цветаевой с бронзовым бюстом поэта на высоком гранитном постаменте, надпись, повторяющая её автограф, белоснежная полукруглая арка. Очень красивый, торжественный памятник Цветаевой.

В 2003-м году в рамках этого мемориального комплекса открылся литературный музей М. Цветаевой, а в 2005-м был выкуплен из частной собственности дом, где ушла из жизни Марина Ивановна. Сейчас это Дом памяти поэта. В тот же день, 4 июня 2005 года, в здании рядом с литературным музеем открылась Библиотека Серебряного века. Мы с восторгом смотрели на то, что делается в этом небольшом городке для сохранения культурного наследия.

— Город гибели Поэта стал и местом возрождения птицы Феникс — Марины Цветаевой, — сказала Гульзада Руденко, директор Елабужского государственного музея-заповедника.

Кстати, в музей-заповедник, кроме Цветаевского комплекса, входят Дом-музей замечательного русского художника Ивана Шишкина, Музей-усадьба кавалерист-девицы Надежды Дуровой (прототип героини фильма «Гусарская баллада»), музей истории города Елабуги, выставочный зал, художественный салон. Везде мы побывали.

Сейчас Елабуга, население которой не превышает 70 тысяч человек, принимает более 80 тысяч туристов в год!

От новой пристани Елабуги дорога в сам город идёт среди густого соснового леса. Как объяснил экскурсовод, это территория национального парка «Нижняя Кама», созданного в 1991 году. Верхние ветви высоких корабельных сосен уже освещались утренним солнышком, а внизу ещё царил полумрак, чернел бурелом, из которого, казалось, вот-вот выйдут знаменитые шишкинские мишки... Они тут и водились! Елабуга — родной город замечательного художника-пейзажиста И. И. Шишкина, и многие его известные картины написаны именно здесь: «Корабельная роща», «Сосновый бор», «Рожь», «Лесные дали», «Кама близ Елабуги».

В Доме-музее И. И. Шишкина хранится более 20 полотен великого живописца. Одна из картин — «Жатва» появилась в экспозиции необычно. Холст нашли под полом, когда 30 лет назад стали делать ремонт дома. Наверное, художник не очень высоко его ценил, а, может, при каких-то обстоятельствах он был спрятан, сейчас неизвестно...

Ещё один музей — усадьбу Надежды Андреевны Дуровой, легендарной «кавалерист-девицы», личного ординарца фельдмаршала Кутузова, неизменно посещающая все туристы. Дурова не только прототип героини «Гусарской баллады», она ведь была и талантливой писательницей, чей талант высоко ценили Пушкин, Гоголь, Белинский. Перед старым городским кладбищем, где она похоронена, стоит памятник Дурова, естественно, на коне и в гусарском мундире...

Мэр Елабуги Ильшат Гафуров, доктор экономических наук, говорит, что сохранение исторической части города власть рассматривает как одно из условий конкурентоспособности созданной здесь экономической зоны. Успехи мэра и его команды подтверждают правильность выбранной стратегии. Так, в 2000-м году по решению ЮНЕСКО Елабуга как город культуры, науки, образования, развитой экономики получил диплом и золотую медаль «Пальмовая ветвь мира». А на следующий год за особые достижения в области экономики город был награждён Почётным знаком Петра Великого. Сейчас в Елабуге — настоящий демографический взрыв, обусловленный не в последнюю очередь вниманием властей к социальной сфере. К примеру, все врачи города имеют свои квартиры. А в одном из новых домов три квартиры пока пустуют — ждут молодых специалистов!

«Думая о будущем — не забывать о прошлом!» — девиз елабужан.

В 2006-м году писательская общественность объявила Ильшата Гафурова лучшим мэром России. Этой награды он был удостоен «за созидательную энергию, выразившуюся в создании мемориальных комплексов М. И. Цветаевой, И. И. Шишкина и Н. А. Дуровой, в установке памятника купцу-литератору Д. И. Стахееву и поддержке Международных Цветаевских чтений». Елабужане чествовали своего градоначальника на празднике Сабантуй.

В дореволюционной Елабуге купеческая династия Стахеевых была знаменита на всю Россию. Дмитрий Иванович Стахеев прославился ещё и как талантливый писатель. В 2003 году перед зданием университета ему был установлен памятник, на нём надпись: «Русскому купечеству — благодарные потомки». Кстати, само здание тоже можно назвать памятником, и не только памятником архитектуры, но и памятником любви. После смерти Д. И. Стахеева его жена Глафира Фёдоровна передала 500 тысяч рублей серебром (сейчас это — миллиарды!) городу для строительства епархиального училища. В этом солидном здании и находится сейчас педагогический университет. В нём проводятся международные Стахеевские чтения, на которые приезжают учёные и потомки купеческого рода со всего мира. Недавно в Елабуге открылся музей купцов России. А когда в 1989 году ректор университета Н. Валеев участвовал в «Клубе кинопутешественников» — популярной передаче на ЦТ — и говорил добрые слова о российском купечестве, о его вкладе в культуру, в развитие города, его тут же вызвали в обком и КГБ на «проработку». А через год горком партии чуть было не сорвал организованную Валеевым Всесоюзную научно-практическую конференцию, посвящённую роли купечества в дореволюционной России...

В Елабуге — более двухсот архитектурных и градостроительных памятников, купеческие дома 19 века, что придаёт городу неповторимый облик, привлекает сюда тысячи туристов. Неизменно приезжают они и на Чёртово городище — единственный на территории России наземный памятник домонгольской эпохи. Башня крепости-мечети болгарского периода стоит на высоком мысу над устьем реки Тоймы. С этой высоты хорошо видны и бескрайние речные просторы, и дорога, которой ходила со старой пристани в Елабугу Марина Цветаева, и сам город, его мечети и церкви, утопающие в зелени.

Военная крепость Волжско-Болгарского царства под названием Алабуга появилась на Каме, в устье реки Тоймы тысячу лет назад. После распада этого царства крепость вошла в ханство Казанское. А когда Иван Грозный в 1552 году взял Казань и присоединил её к Московскому государству, Алабуга (тогда уже Елабуга) получила новое название — село Трёхсвятское. Стало оно так называться потому, что царь подарил этому древнему поселению икону трёх Святителей — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста.

Екатерина II присвоила Елабуге статус уездного города и включила его в Вятское наместничество. А герб выдала такой: «В серебряном поле сидит на пне дятел и долбит оный, ибо там множество сего рода птиц...».

Все эти сведения узнали мы в музее истории города, который, наряду с другими, входит в Елабужский государственный музей-заповедник...

Музей И. И. Шишкина стоит на высоком крутом берегу, заросшем травой. Любуясь на этот двухэтажный купеческий особнячок, я соступила с тротуара и... оказалась в воде, промочила ноги. В густой траве бил родничок. Приглядевшись, мы увидели, что их на склоне — десяток, не меньше. Родниковая вода стекает в Тойму, Тойма впадает в Каму, Кама — в Волгу. Так и Елабуга — один из чистых родников памяти, духовности, красоты, культуры, которые питают будущность России...

* * *

Марина Цветаева писала о каком-то германском городке, мол, если бы здесь жил, или родился, или хотя бы останавливался Гёте, этот городок обрёл бы смысл. «Марина Цветаева оправдала Елабугу», — прозвучало на конференции...

И вот он, дом, где ушла из жизни Марина Цветаева. Она прожила здесь всего десять дней. В то роковое воскресное утро хозяин дома М. И. Бродельщиков со своим внуком уехал на рыбалку. Хозяйка Анастасия Ивановна вместе с Муром пошла расчищать место для аэродрома, всех горожан и эвакуированных направляли на эти работы. Марина Ивановна была в доме одна. И был гвоздь в сенцах — толстый, самодельный, с крупной шляпкой, вбитый в перекладину...

Её любимый Мур писал в своём дневнике ещё 22 июня 1940 года: «...Дума о смерти — преступление, так как означает трусливый уход из жизни в неведомое, которое ещё никто не постиг, потому что никто оттуда не возвращался». А строки, написанные им 31 августа — 5 сентября 1941 года, потрясают и сдержанностью, и скрытой болью. Ему было всего 16.

«За эти 5 дней произошли события, потрясшие и перевернувшие всю мою жизнь. 31-го августа мать покончила с собой — повесилась. Узнал я это, приходя с работы на аэродроме, куда меня мобилизовали. Мать последние дни часто говорила о самоубийстве, прося её «освободить». И кончила с собой. Оставила 3 письма: мне, Асееву и эвакуированным...».

И ещё одна цитата из дневника Георгия Эфрона за 19 сентября 1941 года: «... Страшно всё надоело. Что сейчас бы делал с мамой? По существу (эти два слова по-французски — О.Г.) она совершенно правильно поступила — дальше было бы позорное существование».

Директор Дома памяти Елена Викторовна Поздина рассказывала о последних часах Поэта. Она же была нашим экскурсоводом по Петропавловскому кладбищу Елабуги. Памятник Марине Цветаевой, который стоит сразу у входа, конечно, просто символ. Анастасия Ивановна Цветаева, приехав в Елабугу в 1960 году, поставила крест с надписью: «В этой стороне кладбища похоронена Марина Цветаева».

Споры о том, где на самом деле она похоронена, длятся до сих пор. Одна из предполагаемых могил, с низкой железной оградкой, сплошным ковром заросла земляникой... Ещё в 1913 году, в Коктебеле, Марина Цветаева написала пророческие строки:

*Идѣшь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала — тоже!
Прохожий, остановись!
Прочти — слепоты куриной
И маков набрав букет, —
Что звали меня Мариной,
И сколько мне было лет.
Не думай, что здесь — могила.
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила,
Смеяться, когда нельзя!
...Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед, —
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет...*

Несколько лет назад раздавались голоса о том, что надо произвести эксгумацию, чтобы точно определить, где похоронена М. Цветаева. Но, как пояснили елабужане, согласно геологическим исследованиям, под кладбищем на глубине двух метров — пльвуны, земляные пласты сдвигаются. То есть, если даже и разроют эти могилы, Марины там всё равно нет. Да и не нужно этого делать. Поэт — не в земле, не на кладбище, а в своих стихах, в наших душах... Хорошо, что есть место, где можно просто ему поклониться.

Понятней ли мне теперь загадка её ухода? Совсем нет. Тайна стала ещё больше, чем была, она росла во время пути, на теплоходе: как могла Цветаева, великий поэт, видя эти волжские просторы, эти сказочно красивые высокие берега Камы, эту красоту Божию — затаить в себе мысль об уходе?..

Все версии, предлагаемые исследователями, достоверны. И ни одна из них (в отдельности!) не могла служить причиной самоубийства. Конечно, как писала А. Саакянц, это море причин, обстоятельств и поводов.

Война, которую М. Цветаева восприняла как конец цивилизации, конец истории: её любимая Германия напала на её любимую Россию!

Обстановка в стране — страх, недоверие, подозрительность. Репрессированы муж, дочь, сестра Анастасия.

Вечная бытовая неустроенность (хотя, как писала Анастасия Ивановна, «от ударов материального неустройства Цветаевы не умирают»).

Конфликты с сыном, страх за него.

Невостребованность. «Поэтическая немота». А ещё есть версии «вербовки в КГБ», душевного и физического нездоровья и т.д., и т.п.

Но, как пишут психологи, самоубийство не бывает поступком, бывает только процессом.

На кладбище, где лежит Поэт, участники третьих Цветаевских чтений не только возложили цветы. Свершилось действие, от которого у многих заблестели слёзы на

глазах. Сюда, в Елабугу, была привезена земля с могил родных людей Марины Цветаевой. Координатор фонда «Русское зарубежье» Ирина Невзорова (Москва) привезла землю с мест, где покоятся дочь Цветаевой Ирина, умершая в Кунцевском приюте в трёхлетнем возрасте в страшные годы гражданской войны, и муж Сергей Эфрон, расстрелянный 16 октября 1941 года (полигон Коммунарка). Любовь Мистрюкова из Минска привезла землю из белорусских лесов, с того места, где погиб в 1944 году сын — Георгий Эфрон.

Вот так, символически, воссоединилась семья, которую разбросал и сгубил безжалостный российский 20-й век...

Может быть, странно, но гнетущее впечатление от самого слова ЕЛАБУГА — как символа гибели поэта — развеялось именно там, на тихом елабужском кладбище, возле памятного камня, среди огромных сосен. Марина стремилась быть Психеей, духом, душой, самой Поэзией, которой тяжёл и невыносим этот земной быт. Так в чём же тогда трагедия её ухода? Она наконец стала тем, чем всегда хотела быть...

*И палящее солнце уже превращалось в медь.
И спускалась на Елабугу благодать.
Она выбрала эту землю, чтоб умереть.
Она выбрала эту гору, чтоб здесь лежать.
И она не могла не знать, что сюда придут
И поклонятся, и будут читать стихи.
И поэтому — светел её приют.
И могилы — нет. И слёзы у нас легки.
И поэтому — будь навеки благословен
Этот край, этот берег, елабужская вода...
Ведь Марина — не камень, не крест, не тлен.
Это только то, что осталось в нас. Навсегда.*

Москва — Елабуга, 2006

